Русская православная церковь в 1917 - 1927 годах

Александр Михайлович Фомин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Научно-популярный доклад о внутрицерковной жизни Русской православной церкви с октября 1917 г. по июль 1927 г. и ее роли в общегосударственных событиях основан на материалах, опубликованных до 1997 г.

- Александр Михайлович Фомин
  -
  - ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ
  - ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ
  - ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ
  - РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ
  - РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
  - ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
  - ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ
  - ЦЕРКОВЬ В 1925–1927 ГОДАХ
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

Александр Михайлович Фомин
Русская православная церковь в 1917–1927 годах

Доклад по отечественной истории

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Исторический факультет

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Революция февраля 1917 года свергла существовавшую в России на протяжении трех столетий монархию Романовых. В октябре того же года новая революция смела и экономическую основу старого общества. Новая власть провозгласила курс на создание общественного строя, еще невиданного в мировой истории. России предстоял грандиозный эксперимент, исход которого тогда в 1917-м предсказать не мог еще никто.

Новая власть объявила всему миру, что она не считает себя связанной ни с какими институтами, обычаями, порядками и законами, существовавшими до ее появления. Все это будет не нужно в том новом мире, который она собирается построить. А потому все, что как-то связано с прежним образом жизни, должно исчезнуть.

Прошли десятилетия. Революция и последовавшие за ней события до неузнаваемости изменили облик страны. Сейчас, даже когда основанная революцией 1917 года советская система ушла в историю, вряд ли в сегодняшней России возможно найти хоть какой-то остаток той жизни, которой жила Россия до этих великих потрясений. Кажется, что рожденная революцией власть не пощадила ничего из того, на чем держалась жизнь русских людей до начала великого эксперимента. Однако и до сего дня дожила по крайней мере одна из основ той, ушедшей России. Сколь радикальными и суровыми не были бы меры Советской власти по переустройству жизни людей и даже их сознания, один из столпов ненавистного «старого мира» ей сокрушить так и не удалось. И сегодня, как и восемь десятилетий назад, как и десять веков назад, слышен колокольный звон над русскими городами и селами, как и в далекие времена сияют на солнце золотые купола храмов, и все те же песнопения поются в их стенах.

То удивительно быстрое возрождение, которое переживает Русская Православная Церковь после своего освобождения из под опеки советского государства показывает, что и спустя многие десятилетия после революции 1917 года она не являлась отмирающим, безжизненным и обреченным на исчезновение рудиментом старого порядка в новом советском обществе, на что рассчитывали вожди большевиков после революции. Пережив все испытания, она сохранила огромный духовный потенциал и моральный авторитет в казалось бы атеистическом советском обществе, без чего невозможным был бы тот подъем, который переживает церковная жизнь в нашей стране в нынешнюю полную трудностей эпоху.

Но как удалось православной церкви выжить тогда, когда все прочие институты старого общества ушли в небытие, когда борьба с религией почти официально провозглашалась новым государством как одна из основных целей? Какие меры предпринимало это государство по отношению к Православной Церкви и как Церковь отвечала на них? На эти вопросы я и попытаюсь ответить в данном докладе.

Не беря на себя смелость рассматривать всю долгую историю взаимоотношений Православной Церкви и советского государства, я решил ограничиться периодом с 1917 по 1927 годы, то есть от революции до так называемой «Декларации митрополита Сергия» и легализации патриаршего Синода, что стало первым шагом на пути к нормализации отношений между Церковью и государством, которая произошла, однако, значительно позже — в 1943 году, в тяжелейших условиях Отечественной Войны.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

До совсем недавнего времени при написании работы на данную тему автору пришлось бы столкнуться с огромными трудностями, так как взаимоотношения государства с религиозными объединениями долгое время оставались одним из самых крупных «белых пятен» нашей новейшей истории. Историки практически не имели доступа ко многим важнейшим документам и им приходилось довольствоваться лишь материалами официального и открытого характера. Показательно, например, что несмотря на всю тщательность, с которой у нас готовились собрания сочинений В.И. Ленина, его важнейшее письмо к Молотову и ко всему Политбюро от 19 марта 1922 года по поводу изъятия церковных ценностей не вошло ни в одно из них.

Однако в последние годы ситуация заметно изменилась к лучшему. Исследователям предоставлены значительные возможности для знакомства с историческими документами. По интересующей меня теме стали издаваться специальные тематические сборники документов. Они-то и послужат мне в качестве основных источников для написания этого доклада.

Наиболее значительной из публикаций такого рода стал двухтомник «Русская православная церковь в советское время», изданный в Москве в 1995 году. Для меня будет полезен только первый том этого издания, охватывающий период с 1917 по 1953 годы. Само издание представляет собой «повтор» третьей части переводного издания по истории русской церкви, вышедшего в 1988 году в Западной Германии. Для осуществления русского издания издателям пришлось фактически заново проделать работу по сбору материалов, чтобы опубликовать оригинальные тексты документов, а не делать обратного перевода. Издание сопровождается историческим введением, написанным немецким исследователем Гердом Штиккером и русским ученым и богословом Сергеем Аверинцевым.

Другое важное издание было осуществлено библейско-богословским институтом святого апостола Андрея в 1996 году и озаглавлено «Русская православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы». Хронологический охват этого сборника ясен из названия. Издание осуществлено при содействии Института Российской истории РАН и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Обе публикации имеют достаточно высокий научный уровень.

Все документы имеют точную ссылку на первоисточник (тот или иной архив или более раннюю публикацию). В издании 1996 года многие документы сопровождаются также археографическим комментарием (указанием на рукописные пометки, резолюции и т. п.) Материалы расположены в тематическом порядке, однако он по мере возможности совмещался и с хронологическим принципом, что особенно характерно для издания 1996 года, где в основу группировки материала положены «основные этапы» церковной истории. Каждый раздел в обоих изданиях сопровождается кратким историческим введением, отражающим точку зрения составителя. Документы, опубликованные в этих изданиях взяты из государственной и церковной печати, а так же из архивных собраний, в основном из РЦХИДНИ (бывшего Института марксизма-ленинизма), Государственного архива Российской Федерации (бывший Центральный Государственный архив Октябрьской Революции), а так же из ряда частных и местных архивов. Многие из этих документов имеют гриф «секретно».

Опубликованные документы имеют самый различный характер. Это определения церковных соборов, распоряжения и послания Патриархов и Местоблюстителей патриаршего престола, интервью церковных деятелей с западными журналистами, документы различных раскольнических церковных групп («карловчан», обновленцев и т. д.), законы и декреты Советской власти по религиозному вопросу, официальные, полуофициальные и неофициальные документы советского правительства и руководства коммунистической партии, а также ВЧК и ГПУ(доклады, рапорты, распоряжения, запросы, протоколы заседаний, деловая переписка). В целом данный материал на мой взгляд вполне достаточен для написания доклада.

Некоторые важные документы опубликованы также в приложении к книге священника Георгия Митрофанова «Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы». Это в основном документы церковного происхождения, касающиеся взаимоотношений Православной Церкви в России с эмигрантскими церковными кругами.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Говоря об историографии данного вопроса, необходимо иметь ввиду то положение, в котором наша историческая наука находилась вплоть до недавнего времени. Однопартийная система и связанный с ней идеологический контроль приводили к тому, что в советском государстве легально могли увидеть свет только те исторические труды, которые совпадали по своей направленности с официальной точкой зрения. В первую очередь это относится конечно же к изучению отечественной истории XX века, в частности и к интересующему нас вопросу. Поэтому тщетно искать какие-либо различия в подходах советских историков к данной теме. Таких различий просто не было и быть не могло.

С другой стороны, когда стало наконец возможно беспрепятственно писать о многих трагических страницах нашей истории, вопросом взаимоотношений Церкви и государства заинтересовались в первую очередь церковные историки, которые в своих трудах склонялись к безоговорочной апологии деятельности Русской Православной Церкви и ее руководства во всех исторических ситуациях. Таким образом, мы имеем две крайние точки зрения на изучаемую проблему: точку зрения официально-советскую и точку зрения церковную.

Среди работ советских историков можно назвать диссертацию Р.Ю. Плаксина «Церковная контрреволюция и борьба с ней», а так же написанную на том же материале монографию того же автора «Крах церковной контрреволюции». Обе работы охватывают период 1917–1923 годов. Более обобщенный взгляд на проблему можно найти в книге М.С. Корзуна «Русская православная церковь 1917–1945.» Все эти работы можно назвать типичными для советской историографии данного вопроса. Указанные авторы считают, что, будучи до революции верным союзником господствующих классов, Православная Церковь была изначально враждебна Советской власти и с первых дней ее существования вела с ней непримиримую борьбу, приняв активное участие в событиях гражданской войны. На территориях, занятых белыми армиями и интервентами, Церковь открыто их поддерживала, в тылу же большевиков борьба носила скрытый характер и выражалась главным образом в антисоветской агитации под прикрытием религиозных мероприятий (проповедей, крестных ходов и т. п.). Советская же власть по мнению этих авторов, отделив церковь от государства, была изначально нейтральна по отношению к религиозным вопросам и боролась лишь против

«контрреволюции в рясах». Лишь победа большевиков в гражданской войне и «успехи строительства социализма», в которых принимали участие и верующие, заставили Церковь в лице Патриарха Тихона перейти в 1923 году на позиции лояльного отношения к Советской власти. Верные марксистской традиции, советские историки стараются во всех событиях найти их «классовую основу». Так например они нашли социальную базу для так называемого «обновленческого раскола», видя ее во всякого рода мелкобуржуазных элементах и нэпманах, в то время как на самом деле (что явствует из известных ныне документов) этот раскол был в очень значительной мере делом рук ГПУ. Ни о каком участии советских органов государственной безопасности в церковной политике государства и тем более во внутрицерковной жизни, советские историки, разумеется, не говорят.

Точка зрения «противоположной стороны» представлена в книге Протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Православной Церкви 1917–1990». Эта книга издана по благословению Патриарха Алексия и представляет собой учебное пособие для православных духовных семинарий, поэтому ее со всеми основаниями можно считать выражением нынешней официальной позиции РПЦ. Автор исходит из того, что после Поместного Собора 1917–1918 годов Православная церковь сознательно самоустранилась от прямого участия в политике и с бурные годы гражданской войны выступала лишь как строгий, но беспристрастный нравственный судья, стоящий выше братоубийственной бойни. Переход Церкви на лояльные по отношению к большевикам позиции он объясняет именно этим самоустранением Церкви, которая способна уживаться с любой властью. Прот. В. Цыпин уделяет большое внимание церковно-канонической стороне описываемых им событий. Он горько сетует на репрессии, обрушившиеся на Церковь, считает их несправедливыми, но при этом различные внутрицерковные раскольнические группы вызывают у него значительно большее осуждение, чем Советская власть. Автор, как ни странно, тоже умалчивает об участии органов ГПУ в церковной жизни того времени. Позицию РПЦ отражает также и брошюра священника Георгия Митрофанова «Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы». Она посвящена в основном взаимоотношениям Русской Православной Церкви с церковной эмиграцией и историей «карловацкого раскола». Автор доказывает неканоничность деятельности эмигрантского церковного Синода и указывает на тот вред, который эта деятельность приносила «Матери-Церкви».

К позициям этих авторов близки и взгляды канадского

историка русского происхождения Д.В. Поспеловского, автора книги «Русская Православная Церковь в XX веке». Он также абсолютно уверен в полном нейтралитете церкви в годы гражданской войны и считает Советскую власть «палачом», а церковь «жертвой». Но он, в отличие от В. Цыпина, показывает конкретные механизмы воздействия власти на Церковь, в частности роль во всем этом ГПУ и специальных отделов ЦК.

Более критичен по отношению к Церкви немецкий исследователь Г. Штиккер, автор исторических комментариев к упоминавшемуся уже сборнику документов «Русская Православная Церковь в советское время». Он придерживается сходных с Д.В. Поспеловским взглядов на роль Церкви и советского государства в те годы, однако он подчас упрекает церковное руководство в излишней уступчивости атеистическому государству, сознавая однако, что подобная уступчивость была вынужденной.

В целом говоря об историографии данного вопроса нельзя не заметить, что он, как и многие другие вопросы нашей новейшей истории по сей день остается сильно полонизированным. Оценки и взгляды историков на данную проблему в значительной степени зависят от политических и даже религиозных убеждений того или иного исследователя. Все они склонны акцентировать свое внимание на одних фактах и умалчивать о других. Кто знает, быть может должно пройти время, прежде чем появится действительно объективное исследование на эту тему. А пока всякий раз когда нам приходится сталкиваться с определенной оценкой тех событий, необходимо вспомнить знаменитое правило древних римлян: «пусть будет выслушана другая сторона».

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ ПОМЕСТНЫЙ СОБОР

Православие было государственной религией Российской Империи. Российский император был православным, православным был практически весь управленческий аппарат государства. Православная церковь пользовалась в России значительными привилегиями по сравнению с другими исповеданиями, ее вероучение предавалось в школах и университетах, на ее содержание выделялись значительные средства из государственной казны. Вплоть до 1905 года государство пресекало попытки своих подданных уклониться из православия в другие исповедания и преследовало многие из них. В 1914 году в России было 117 млн. православных христиан. Страна делилась на 67 епархий, которыми управляли 130 епископов. Более 50 тыс. священников и диаконов служили в 48 тыс. приходских храмах. Существовало более тысячи монастырей с 95 тысячами монашествующих. Но наиболее ярко связь государства и Православной Церкви выражалась в так называемой «синодальной системе», введенной еще Петром I взамен упраздненного им патриаршества. Всеми церковными делами управлял Священный Синод, во главе которого стоял назначаемый императором обер-прокурор из светских лиц. Такое положение Церкви в Российской Империи дало повод многим советским историкам говорить о тесном союзе Церкви с эксплуататорским государством.

Однако более детальное рассмотрение этой ситуации позволяет увидеть, что Церковь при синодальной системе была не столько союзником государства, сколько его инструментом, «ведомством православного исповедания», своего рода идеологическим аппаратом. Обер-прокуроры, руководившие Синодом, беззастенчиво вмешивались во все церковные дела, подавляли всякую внутрицерковную инициативу, требовали от служителей Церкви беспрекословного подчинения интересам самодержавия. Религиозно-богословские дискуссии, как правило, не допускались, церковные приходы не имели никакой самостоятельности, полностью подчиняясь синодально-иерархической бюрократии. Особенно преуспел в насаждении самодержавного диктата в Церкви хорошо известный К. Победоносцев, бывший обер-прокурором Синода вплоть до революции 1905 года. Самое пагубное влияние на авторитет

Церкви и состояние церковных дел оказала печально знаменитая «Распутинщина».

Нельзя сказать, чтобы Церковь была довольна таким положением. Недовольство высказывали и простые верующие, и белое приходское духовенство, и даже церковные иерархи. Приходское духовенство, большинство которого прозябало в жуткой бедности, было недовольно засильем черного епископата и требовало допуска женатых священнослужителей в церковную иерархию, миряне были недовольны своим бесправием в приходской жизни, иерархию раздражал постоянный контроль государства над деятельностью Церкви. Раздавались голоса за изменения в системе богословского образования, за большую свободу богословских дискуссий, за возрождение христианской проповеди как неотъемлемой части пастырского служения, которая в синодальный период находилась в полузабвении, и даже за перевод богослужения на понятный народу русский язык. Указывалось на формальное отношение большинства верующих к исполнению обрядов и таинств, на неспособность церкви адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Всем, кто сочувственно относился тогда к делам Церкви было очевидно, что необходимы перемены. Часто раздавались голоса в пользу восстановления патриаршества, хотя у этой «монархической» идеи были и свои убежденные противники. Многие требовали восстановления древнего принципа выборности епископата. На возможное в скором времени возрождение Церкви указывало и обращение к православию многих представителей русской интеллигенции и среди них бывших марксистов П. Струве, Н. Бердяева, С. Булгакова.

В качестве первого шага на пути церковного возрождения предлагался созыв Поместного Собора, не собиравшегося уже более 200 лет. Церковные иерархи не раз предлагали Николаю II как можно скорее созвать Собор. Император был в принципе не против этой идеи, и даже не возражал против восстановления патриаршества, но он постоянно откладывал решение этого вопроса до «более спокойных времен». Когда в 1917 году февральская революция уничтожила самодержавие, вопрос о Соборе все еще «висел в воздухе».

И реформы 1860-х годов и перемены, связанные с революцией 1905 года никак не затронули Православную Церковь. Многие верующие жаловались, что закон о веротерпимости 1905 года предоставил свободу всем исповеданиям кроме православия. Теперь, в 1917-м, у Церкви, наконец, были развязаны руки. В результате революции к власти пришло временное правительство в разные составы которого входил ряд либеральных «буржуазных»

политиков, а так же представители умеренных «социалистических» партий. Демонстрируя свой либерализм, временное правительство 20 марта (2 апреля) объявило равенство всех религий перед законом, отменило все национальные и религиозные ограничения. Ровно через месяц правительство Керенского отняло у церкви все принадлежащие ей общеобразовательные школы (около 37 тыс.). 5 (18) августа упраздняется пост обер-прокурора и образовывается министерство исповеданий, которое должно было заниматься налаживанием отношений со всеми существующими в стране конфессиями. Этот акт как бы символизировал независимость Православной Церкви от правительства. В это время уже завершалась подготовка к созыву Поместного Собора. Собор открылся в Москве 15 (28) августа. В нем участвовало 73 архиерея, 192 приходских клирика и 299 мирян. Это был первый полноценный Поместный Собор за 217 лет.

Я не буду подробно останавливаться на ходе заседаний Собора, скажу лишь, что перед ним стояли поистине грандиозные задачи: предстояло выработать формы и правила нового устройства Церкви, которые должны были прийти на смену существовавшему два столетия и уходившему теперь в историю «Духовному регламенту» Петра I. В первую очередь обсуждался вопрос о восстановлении патриаршества. Прения были долгими и упорными. Но вот наконец 18 октября (10 ноября) — через два дня после большевистского переворота в Петрограде, на Соборе в Москве было принято решение о восстановлении патриаршества как должности первого между равными ему епископами, возглавляющего церковное управление. Высшая законодательная, административная, судебная и контролирующая власть передавалась регулярно созываемому Поместному Собору, которому был подотчетен Патриарх. При Патриархе создавался Синод из тринадцати архиереев, в ведение которого передавались вопросы вероучения, церковной дисциплины и церковного управления, а также Высший Церковный Совет, которому поручалось ведение дел церковно-общественных, хозяйственных и просветительских. В ВЦС могли входить кроме архиереев также представители белого духовенства и мирян. Собор также решил вопросы об административно-территориальном устройстве епархий, выборности духовенства, самоуправлении приходов, статусе монастырей, церковной проповеди и статусе женщины в Церкви. Все эти вопросы были решены «в духе времени», то есть сравнительно либерально. Приходам и монастырям предоставлялась внутренняя автономия. Женщинам предоставлялись довольно широкие права для участия в жизни

прихода, благочиния (объединения приходов) и епархии на правах мирянок. Предложение о восстановлении древнего чина диаконисс было отклонено.

30 октября (12 ноября) 1917 года Собор преступил к выборам Патриарха. Голосование проводилось тайно по довольно сложной многотуровой системе. В результате было выбрано три кандидата: архиепископ харьковский Антоний (Храповицкий), набравший наибольшее число голосов (один из крайне «правых» церковников, в будущем глава эмигрантского «карловацкого раскола»), архиепископ новгородский Арсений и митрополит московский Тихон (Белавин). Окончательное избрание должно было решиться жребием. Оно состоялось 5 (18) ноября в храме Христа Спасителя. Жребий пал на митрополита Тихона. Его интронизация состоялась 21 ноября (3 декабря) в Успенском соборе Кремля.

Собор проходил в три сессии: 1-я — с 15 (28) августа по 9 (22) декабря 1917 года; 2-я — с 20 января (2 февраля) по 7 (20) апреля 1918 года; и 3-я — с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября 1918 года. Работа Собора была приостановлена по вине Советской власти и больше не возобновлялась вопреки решению его участников, так что многие важные вопросы остались нерешенными.

Итак, можно заключить, что основанная некогда Петром I синодальная система управления Церковью к началу XX века полностью изжила себя. Церковная жизнь требовала перемен. Эти перемены мог осуществить только Поместный Собор, созыву которого долгое время препятствовало самодержавие, вследствие чего он стал возможен только после свержения монархии Романовых. Поместный Собор 1917–1918 годов восстановил патриаршество и определил общий порядок церковного управления, однако вынужден был преждевременно прервать свою работу.

В данной главе я коротко рассмотрел только те мероприятия Собора, которые касались внутрицерковной жизни. На его взаимоотношениях с пришедшими во время его заседаний к власти большевиками на мой взгляд будет уместнее остановиться в следующей главе.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Как раз в то время, когда в Москве делегаты Собора решали вопрос о восстановлении патриаршества, в северной столице произошло вооруженное восстание. Временное правительство пало, вся власть перешла в руки Советов, а фактически в руки партии большевиков. После нескольких дней упорных боев Советская власть установилась и в Москве.

Пришедшая к власти партия была одной из самых радикальных в тогдашней России. Именно поэтому в тот момент никто кроме самих большевиков не верил, что они смогут удержать власть сколько-нибудь долгое время. Не верили в это и участники московского Собора. Между тем лидеры большевиков придерживались резко антиклерикальных и вообще антирелигиозных позиций, что не могло не привести их в скором будущем к жесткому столкновению с руководством самой влиятельной в России религиозной организации — Православной Церкви. Этим руководством в тот момент являлся Собор.

В ходе октябрьских боев в Москве руководство Церкви предприняло робкую и тщетную попытку «примирить» враждующие стороны. Когда же победитель определился, делегаты Собора вернулись к своим заседаниям, предпочитая просто не замечать совершившейся перемены. Несколько недель длилось это взаимное «незамечание» Советской власти и Православной Церкви. Собор был занят выборами Патриарха, а руководство большевиков, отделенное от него тысячей с лишним километров, заботилось о собственном утверждении у власти. Однако долго все это продолжаться не могло.

11 ноября (ст. ст.) Собор выступил с посланием, в котором хотя и не содержалось никаких имен и названий политических сил, но довольно ясно сквозило недовольство происшедшими событиями. «Ко всем несчастиям присоединилась междоусобица, охватившая Русскую землю… В течение ряда дней русские пушки обстреливали величайшую святыню России — наш священный Московский Кремль… Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения — кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов — смешение языков и ожесточенная ненависть братьев. Давно уже в русскую душу проникают севы антихристовы, и сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть,

алчность, хищение чужого. На этой почве обещают они создание всеобщего счастья на земле… Открыто проповедуется борьба против веры Христовой, противление всякой святыне и самопревознесение против всего, называемого Богом… Посему и рушится Держава Российская от этого беснующегося безбожия.» В заключение Собор призывал православную паству оставить «безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия» и «вернуться на путь Христов». Сами же «лжеучители» объявлялись «изменниками Родины»[1]

Делегаты Собора, казалось, плохо отдавали себе отчет в том, что именно произошло в стране, и какого рода власть в ней установилась. Подтверждение этому — соборное определение «О правовом положении Православной Российской Церкви», принятое ими 2 декабря 1917 года. Согласно этому документу Церковь в своей внутренней жизни должна быть независима от государственной власти и обязалась соблюдать «гражданские законы» государства. На этом, однако, «либерализм» документа заканчивался. Православная церковь как «величайшая святыня огромного большинства населения и как великая историческая сила, созидавшая Российское государство» требовала для себя «первенствующего среди других исповеданий публично-правового положения». В чем же должно было заключаться это положение? Государство должно было признавать юридическую силу за всеми постановлениями, изданными для себя Церковью. Все касающиеся Церкви законы должны были издаваться только «по соглашению с церковной властью». Обязательно православными должны были быть глава государства (!), министр исповеданий, министр народного просвещения и товарищи этих министров. Православный календарь должен был признаваться государственным календарем, а главные церковные праздники и воскресные дни — «неприсутственными днями». «Богохульные» публичные выступления и действия, а также «насилия и угрозы для отвлечения от православия» должны были признаваться уголовными преступлениями и соответственно наказываться. Церковный брак для православных граждан должен был признаваться законным, регистрация актов гражданского состояния оставалась в руках церкви. Церковные учебные заведения как богословского так и общеобразовательного характера приравнивались по своему статусу к правительственным. Во всех светских школах преподавание Закона Божия для православных учащихся должно было оставаться обязательным. При армии и флоте должны были содержаться штатные священники, которые, как и законоучители

в школах должны были содержаться за счет государственной казны. Духовные лица освобождались от воинской и других «натуральных» повинностей. Церковные имущества объявлялись неприкосновенными и не подлежали налогообложению, если они не приносили дохода «путем отдачи их в аренду или наем». Церковь требовала для себя ежегодных субсидий от государства «в пределах потребностей», которые определялись ее руководством и затем утверждались законодательно. Церковь, правда, обещала отчитываться в расходовании этих средств «на общем основании» т. е. как и всякое другое ведомство. Она требовала прав юридического лица не только для себя как целого, но и для всех своих «установлений» (приходов, монастырей, братств, семинарий, школ и т. д.)[2]

По существу этот документ был политической программой Церкви в новых условиях. Уже тогда всякому здравомыслящему человеку было ясно, что эта программа, поражающая своим консерватизмом и политической близорукостью, была тогда совершенно нереальна. Документ представлял собой шаг назад даже по сравнению с вероисповедной политикой временного правительства (в области образования) и вступал в противоречие с уже принятыми к тому времени декретами Советской власти (Декрет о земле «социализировал» в том числе и церковные земли). По существу церковь принимала от революции все то, что шло ей на пользу (политическую независимость), но настаивала на сохранении всех своих старых привилегий. Такой подход к ситуации в тот момент выглядел как анахронизм. Советская власть просто не обратила внимания на эти требования.

31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) был опубликован проект Декрета СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, известного также как Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. 20 января (2 февраля) 1918 года Декрет был принят и спустя три дня вновь опубликован уже как официальный документ. Согласно этому документу Церковь отделялась от государства, что выражалось в полной отмене всех привилегий по религиозному принципу, отказе от религиозных обрядов как официальных церемоний, отмене религиозной присяги, полной секуляризации актов гражданского состояния, приравнивании всех религиозных обществ к «частным обществам и союзам» и отказе от всякой их поддержки со стороны государства. Гражданам предоставлялось право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно исполнять религиозные обряды, не посягая на общественный порядок, права других граждан и Советской Республики. Никто не мог по религиозным убеждениям освобождаться от гражданских

обязанностей, допускалась лишь замена одной обязанности другой. Школа отделялась от церкви. В учебных заведениях любого типа, где преподавались общеобразовательные предметы, запрещалось преподавание религиозных вероучений. Разрешалось обучаться и обучать религии лишь «частным образом».

Вышеизложенные статьи декрета представляли собой радикальную, но в целом общедемократическую программу секуляризации общественной жизни. Под большинством из них без колебаний подписались бы политики тогдашних светских государств Запада. Но последние две статьи Декрета резко контрастировали с традиционно-либеральными представлениями о свободе совести. Согласно этим статьям религиозные общества лишались прав юридического лица и права владеть собственностью. Их имущества объявлялись «народным достоянием». Богослужебные здания и предметы отдавались религиозным обществам в «бесплатное пользование» по решению местных или центральных властей[3].

Лишение религиозных обществ прав юридического лица было актом открытой дискриминации в их отношении, ибо прочие «частные общества и союзы» такие права имели. Лишение религиозных обществ прав собственности даже на храмы и богослужебную утварь ставило эти общества в унизительную зависимость от гражданских властей, создавало почву для прямого вмешательства власти в церковные дела (например, в случае спора между общинами), а также для последующих массовых экспроприаций церковных зданий и предметов культа. По существу, декларируя отделение церкви от государства, большевики одновременно создавали базу для прямого вмешательства государства в церковную жизнь.

Как видим, принципы раздельного существования светской власти и религии, в верности которым до революции клялись едва ли не все революционеры, о которых тогда же часто говорили многие религиозные деятели, в реальности не выполнялись последовательно ни теми, ни другими. Рассмотренные мной два документа (Определение Собора и Декрет СНК) представляют собой как бы декларации принципов сосуществования Церкви и государства, с которыми РПЦ и Советская власть пришли к революции. Достаточно беглого взгляда на эти документы, чтобы заметить, что они полностью, во всех своих пунктах взаимно исключают друг друга. Эти документы стали своего рода «перчатками», которые Православная Церковь и Советское государство бросили друг другу перед решительной схваткой.

Поместный Собор болезненно отреагировал на этот Декрет,

расценив его как «злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против нее гонения». Верующим запрещалось участвовать в проведении в жизнь этого Декрета под страхом отлучения от Церкви. В Соборном воззвании по поводу Декрета верующие в очень неопределенных выражениях призывались встать на защиту «заветных святынь»[4]. Никаких указаний на то, что именно не устраивало церковников в Декрете в воззвании не было, однако можно было догадаться, что их особый гнев вызвали именно последние статьи декрета о юридических правах и собственности Церкви. Декрет и воззвание вызвали широкие волнения среди верующего населения страны, перераставшие иногда в столкновения со сторонниками Декрета и с властями.

Недовольство подогревалось еще и тем, что власти преступили к практическому осуществлению принципов Декрета. Еще до его официального принятия Наркомпрос издал постановление о национализации всех принадлежавших Церкви учебных заведений независимо от их характера. Национализировалось и передавалось в ведение наркомпроса все их движимое и недвижимое имущество, все их денежные фонды, ценные бумаги и проценты по ним[5]. Это постановление стало активно проводиться в жизнь. Одновременно началось закрытие «домовых» церквей при разных учреждениях и монастырей, причем в числе первых оказалась Александро-Невская Лавра в Петрограде. На местах выполнение этих распоряжений Советской власти часто сопровождалось грубыми надругательствами над религиозными святынями и оскорблениями религиозных чувств верующих. Сказывалась и общая нестабильность ситуации в стране, слабый тогда еще контроль центральной власти на местах, разгул бандитизма, появление огромного количества вооруженных и никому не подчиняющихся людей (главным образом дезертиров из развалившейся старой армии) и т. п. Часто разного рода преступные элементы выдавали себя за представителей власти и занимались откровенным грабежом, нередко прельщаясь богатствами православных храмов. Да и сами отряды Красной гвардии в тот период мало отличались от разбойничьих шаек, так как формировались они в основном из тех же вчерашних солдат. Все это давало вполне реальную почву для разговоров о «гонениях» на веру.

Отчасти из-за страха перед охватившим страну хаосом, отчасти из-за своего принципиального несогласия с решениями и действиями Советской власти Церковь предпринимает ряд решительных шагов для самозащиты от грозивших ей посягательств.

19 января 1918 года Патриарх Тихон издал послание, которое долго потом служило для власть предержавших, а также для советских историков доказательством контрреволюционности Православной Церкви. Этот документ был составлен так, что мог допускать различные толкования. Вначале по-церковному велеречиво рисовалась картина междоусобий, разбоев, и насилий, охвативших русскую землю. Говорилось весьма неопределенно о «гонениях на истину Христову». Затем Патриарх своей властью «данной от Бога» предавал анафеме виновников всех этих бедствий, не называя их. Далее, уже после анафематствованья, следовали прямые выпады против Советской власти. Гнев Патриарха вызывали отмена обязательности крещения и церковного брака, обстрел Кремля в октябре 1917-го, осквернение некоторых чтимых православными святынь, захват властями монастырей и церковных учебных заведений. Притом виновники всего этого (на сей раз речь явно шла о власть предержащих) назывались «безбожными властелинами тьмы века сего». Объявив церковные имущества «народным достоянием», власти, по мнению Тихона, даже не спросили об этом воли народа. Власть «…проявляет всюду самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над Святою Церковью Православной». Верующие призывались встать на защиту Церкви, от пастырей требовалось организовывать из них «духовные союзы». Вместе с тем верующие призывались силе оружия противостоять «силой веры, властного всенародного вопля», а также «силой святого воодушевления». При необходимости требовалось и «пострадать за дело Христово». Иными словами речь в послании велась как бы о ненасильственном сопротивлении. Никаких прямых призывов к вооруженной борьбе в тексте послания не было[6].

И большевики, и их явные враги истолковали этот документ как анафему Советской власти. Церковь же впоследствии указывала, что анафеме подвергалась не власть, а все, кто грабил, убивал и осквернял святыни, то есть в том числе и простые бандиты, разбойничьи шайки разных «батек» и прочие преступники, под чьим бы флагом они не выступали.

Как бы то ни было, но этот документ определил отношение Церкви к новой власти по крайней мере на следующие полтора года. В течение 1918 года руководством РПЦ был издан еще ряд документов как бы разъяснявших патриаршее послание и претворявших в жизнь его идеи. Этому отчасти способствовало зверское убийство бандитами в Киеве местного митрополита Владимира 25 января 1917 года, вызвавшее бурю негодования в церковных кругах. Большевики, правда, не имели никакого отношения к этому преступлению (Киев они тогда не

контролировали).

28 февраля Патриарх Тихон и Синод издали постановление, направленное против Декрета об отделении Церкви от государства. В борьбе против проведения этого Декрета в жизнь руководство РПЦ делало ставку на православных мирян. Пастырям предписывалось в меру сил поддерживать все начинания мирян для защиты Церкви. Миряне должны были организовывать свои союзы с просветительскими и благотворительными (а не религиозными) задачами и наименованиями, целью которых должна была стать защита храмов и церковного имущества от посягательств. Эти союзы могли даже в крайних случаях объявлять себя собственниками церковного имущества. На эту уловку церковные власти шли потому, что Декрет лишил собственно религиозные объединения прав на владение собственностью. Подобного рода «светские» союзы православных мирян должны были создаваться при монастырях и церковных учебных заведениях. Педагогические и родительские советы при школах должны были требовать сохранения преподавания в них Закона Божия. Богослужебные предметы, метрические книги и прочее церковное имущество следовало всемерно оберегать от «захвата». для чего советовалось даже прятать их подальше. При насильственном изъятии этих предметов общинам предписывалось составлять описи изъятого. Для защиты имуществ предписывалось ударять в набат. Регистрация рождений, браков и смерти должна была вестись в церкви в прежнем порядке. Гражданская регистрация брака верующим позволялась, но единственно законным признавался церковный брак. Произвольное заключение и расторжение гражданского брака без церковного венчания Церковь считала прелюбодеянием. Все, кто принимал участие в противоцерковной деятельности, подлежали отлучению от Церкви[7].

18 апреля Собор издал определение, согласно которому 25 января (день убийства митрополита Владимира) устанавливался как день поминовения новых мучеников и исповедников. Поддерживалась инициатива Патриарха и Синода о создании союзов (братств) православных мирян, кроме того, при Патриархе образовывался Совет приходских общин, который должен был координировать их деятельность[8]. Примерно в том же духе было написано и соборное определение от 12 сентября 1918 года. Кроме подтверждения ранее сделанных распоряжений этот документ санкционировал проведение лишившимися храмов общинами богослужений «в частном доме или ином приличествующем помещении»[9]. Так открывалась дорога для будущего «катакомбного» существования многих церковных

общин.

Между тем 10 июля была принята первая конституция Советской России, которая подтверждала отделение государства и школы от церкви и признавала за гражданами свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды (ст. 13). Вместе с тем монахи и священнослужители, как и некоторые другие категории граждан, лишались избирательного права (ст. 65).

Ответом властей на перечисленные меры Церкви стала инструкция Наркомюста от 24 августа 1918 года о порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этим документом лишались прав юридического лица и подлежали закрытию все благотворительные, просветительские и иные общества, ограничивавшие круг своих членов людьми одного вероисповедания. Религиозные общества обязывались представить местным властям описи своего богослужебного имущества. Это имущество передавалось в пользование группам мирян числом не менее 20 человек. Фактически эти «двадцатки» мирян становились единственными органами верующего населения, с которыми власти соглашались иметь дело. Эти группы несли материальную ответственность перед государством за вверенные им богослужебные предметы. Все небогослужебное движимое и недвижимое имущество религиозных общин, а также метрические книги подлежали изъятию[10]. Эта инструкция сводила на нет все ухищрения церковной администрации по обеспечению за верующими хоть каких-то юридических прав на используемые ими храмы и священные предметы.

Это противостояние между Советской властью и Православной Церковью развивалось на фоне разгоравшегося пожара гражданской войны. Территория, подконтрольная большевикам резко сокращалась. Запад страны был оккупирован Германией и Австрией, на Юге действовали армии Деникина и казаки Краснова. В Сибири после чехословацкого мятежа возникло несколько антибольшевистских правительств, а осенью 1918 года власть там захватил адмирал Колчак, на Севере высадились англичане и вскоре возникло местное правительство генерала Миллера, на Северо-Западе действовал генерал Юденич.

Территории, занятые интервентами и белыми генералами были не только губерниями России, но и епархиями Православной Церкви. Белые генералы вели войну под знаменами великорусского национализма и верности православию. На их знаменах изображались лики святых, своих сторонников они призывали идти в бой «за поруганную веру». При полках, эскадронах и батальонах белых армий содержались войсковые

священники. Все это резко контрастировало с открытой антицерковностью большевиков. Поэтому не приходится удивляться тому, что во многих приходах с нетерпением ожидали появления «белого воинства». Часто смена власти сопровождалась колокольным звоном и торжественными молебнами, как это произошло, например, при высадке интервентов в Мурманске. Однако не стоит излишне доверять «религиозным» декларациям белых генералов. Для большинства из них это был лишь пропагандистский ход. Торжественные встречи со стороны духовенства часто устраивались им по распоряжениям их же подчиненных. Это, однако, не меняет того факта, что очень значительная часть Церкви и в первую очередь епископата на занятых белыми территориях открыто встала на их сторону. На территориях, занятых белыми армиями, организовывались единые органы церковного управления. В ноябре 1918 года в Томске состоялось Сибирское церковное совещание, которое образовало Высшее Временное Церковное Управление. В мае 1919 года в Ставрополе, в тылу у Деникина, состоялся Юго-Восточный русский церковный Собор. На нем также как и в Томске было образовано Высшее Временное Церковное Управление. Впоследствии этот орган стал основой для так называемого «карловацкого» синода. Почетным председателем этого Управления стал митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), бывший кандидат в Патриархи.

Что касается руководства РПЦ в Москве, то оно старалось продемонстрировать известный нейтралитет по отношению к воюющим сторонам. Весной 1918 года Патриарх Тихон отказался дать благословение не только деникинской Добровольческой армии, но и личное тайное благословение кому бы то ни было из участников белого движения, о чем просил его князь Г. И. Трубецкой.

Однако оставаться последовательно нейтральным руководству Церкви удавалось не всегда. 5 (18) марта 1918 года Патриарх в специальном послании решительно осудил Брестский мир, который он счел позором для России.

Гражданская война в России быстро вылилась в настоящую вакханалию террора. Историку бесполезно искать в ней «более виноватых». Белые, красные, многочисленные «третьи силы» соревновались друг с другом в жестокости по отношению к противникам. Если белый террор обрушивался в первую очередь на большевиков и их сторонников, на фабричных рабочих, деревенскую голытьбу, а также (что характерно) на евреев, то жертвами красного террора становились, прежде всего, «нетрудовые элементы» и в особенности духовенство, которое у

многих красноармейцев пользовалось репутацией «контры» (за свою связь со старым режимом и за поддержку белых некоторыми церковниками). Особенно разнузданным красный террор стал после убийства Урицкого и покушения на Ленина летом 1918 года. Широко применялось взятие заложников с последующей «децимацией» (расстрелом каждого десятого). Многие епископы, монахи, священники, просто православные миряне становились жертвами красного, «зеленого» и просто безнаказанно-уголовного террора, часто сопровождавшегося надругательством над религиозными святынями.

7 ноября 1918 года, в годовщину Октябрьской революции, Патриарх Тихон обратился с письмом к Совету Народных Комиссаров. Эпиграфом к нему он взял слова из Евангелия: «Все, взявшие меч, мечем погибнут». Это письмо — обвинительный акт против большевистской власти, рассчитанный, конечно же не столько на власть предержащих, сколько на мнение общественности, которой этот документ скоро стал известен. Патриарху нельзя отказать в определенном гражданском мужестве. Таким языком Церковь не разговаривала с властями со времен митрополита Филиппа (XVI в.) Тихон обвиняет большевиков в обмане народа, в разжигании кровавой междоусобицы, в разгуле террора, в заключении позорного мира, в подстрекательстве к грабежам, в попрании свободы слова и печати, в гонениях на веру. «Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности»[11] — так заканчивает свое письмо Тихон.

Однако чем призрачнее становилась надежда на скорое падение большевистского режима, тем яснее руководство Церкви понимало необходимость встать «над схваткой». 6 (21) июня 1919 года Тихон обратился к верующим с очередным посланием. Он еще раз описал ужасы гражданской войны и террора, приписав их безбожной сущности новой власти и призвал христиан не стремиться к мести, но смело идти на муки за веру[12]. В том же послании, однако, Патриарх резко осудил еврейские погромы, которыми особенно увлекались тогда белогвардейцы и подстрекаемые ими шовинистические «элементы». Но полный поворот в сторону аполитичности был совершен Патриархом в его следующем послании от 25 сентября (8 октября) 1919 года, направленном православному духовенству. Он решительно отвергал все обвинения в контрреволюционности Церкви и в ее

стремлении к свержению Советского строя, в поддержке белого движения и интервенции. На все эти обвинения Тихон отвечал, что «Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение». Патриарх призывал духовенство не участвовать в политической борьбе, подчиняться велениям Советской власти «поскольку они не противоречат вере и благочестию» и сосредоточить все силы на проповеди слова Божия, столь необходимой при широком распространении неверия[13]. Уже в этом послании легко заметить тенденцию к переходу Церкви на лояльные позиции по отношению к советской власти. Быть может эта тенденция смогла бы уже тогда закрепиться, если бы не новые рискованные и, в сущности, провокационные шаги большевиков.

Важнейшее орудие борьбы с Церковью большевики видели в «атеистической пропаганде». Наиболее действенное средство этой пропаганды они видели в скорейшем разоблачении «народных предрассудков» и «церковного обмана». С этой целью еще в 1918 году началась кампания по вскрытию почитаемых верующими «мощей» святых, которые по утверждениям духовенства были «нетленными». Вскрытие мощей предполагалось проводить в присутствии представителей местной власти, врачей, духовенства и верующих. При вскрытии эти комиссии иногда обнаруживали истлевшие кости, иногда — тряпичную или восковую куклу, иногда — мумифицированный труп. Причем в последнем случае иногда даже советские работники впадали в нерешительность. Однако далеко не всегда вскрытия мощей приводили к ожидаемому результату. Как свидетельствует письмо С. Мицкевича (сотрудника Московского отдела народного образования, одного из старейших революционеров) Ленину вскрытие часто порождало слухи о подлоге мощей и усиливало озлобление верующих. Тем не менее, Ленин настаивал на продолжении вскрытий[14]. «Вскрытию» подверглись, в частности, мощи Сергия Радонежского и Александра Невского. Вскрытые мощи иногда через несколько дней возвращались на прежнее место, а иногда передавались в музеи. Если в 1918–1919 годах власти при проведении этих операций еще соблюдали известную осторожность, то 29 июля 1920 года СНК РСФСР принял по предложению наркомата юстиции постановление «о ликвидации мощей во всероссийском масштабе», согласно которому все вскрытые мощи подлежали передаче в музеи или захоронению[15]. К весне 1921 года наркомюст увидел, что такой «красногвардейский» подход к делу приводит к серьезным конфликтам с местным населением. В секретном циркуляре всем

губисполкомам и губпарткомам от 1 апреля 1921 года он предписал перед вскрытием обязательно проводить соответствующую агитационную кампанию и всегда учитывать местные условия. Тем не менее, предлагалось проводить операции по вскрытию «планомерно и последовательно»[16].

Вместе с тем власти продолжали закрытие монастырей. 20 апреля 1920 года по специальному распоряжению В.И. Ленина была закрыта Троице-Сергиева Лавра. Понятно, что популярности большевикам среди верующего населения эта акция не добавила.

Кампания по вскрытию мощей действительно заставила некоторых верующих отвернуться от религии, но она принесла большевикам гораздо больше проблем, чем успехов, так как часто воспринималась православными людьми как кощунство и надругательство над святынями. Никакое примирение между Церковью и властью в этих условиях становилось невозможно. Предстояли еще решительные столкновения.

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Гражданская война, продразверстки и сильная засуха вызвали летом 1921 года страшный голод в Поволжье, считавшемся до того одной из житниц России. Жертвы голода исчислялись сотнями тысяч.

В августе 1921 года Патриархом был основан Всероссийских церковный комитет помощи голодающим. Он должен был действовать параллельно с аналогичной правительственной комиссией (Помгол-ом). 22 августа Тихон направил в Помгол письмо с уведомлением о создании этого комитета и с предложениями сотрудничества[17]. Вместо этого 27 августа 1921 года ВЦИК распустил церковный комитет, распорядившись передать все собранные средства правительственному Помголу. Таким образом в тот тяжелейший момент Церковь была лишена возможности заниматься самостоятельной благотворительной деятельностью. Тем не менее, 19 февраля 1922 года Тихон издал воззвание, призывавшее верующих жертвовать для помощи голодающим даже церковные украшения, не имеющие богослужебного употребления. Однако в это же время в печати велась активная пропагандистская кампания, обвинявшая Церковь в глухоте к народному бедствию. 23 февраля 1922 года ВЦИК издал Декрет об изъятии в месячный срок у групп верующих всех религий драгоценных предметов, «изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа» и передаче их в Наркомфин со специальным назначением в фонд Помгола[18]. В ответ Патриарх 28 февраля выпустил специальное обращение к православным верующим, в котором подтвердил готовность Церкви помогать голодающим всеми доступными ей средствами, однако резко осудил возможные попытки изъятия священных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской Церкви и карается ею как святотатство: миряне — отлучением от нее, священнослужитель — низвержением из сана»[19]. Иными словами Патриарх запрещал православным участвовать в неконтролируемых Церковью актах изъятия ценностей.

Между тем акции по изъятию начались с марта месяца в некоторых городах России. Проводились они часто без всякой предварительной подготовки и нередко наталкивались на сопротивление духовенства и массы верующих. Самый драматический эпизод такого рода произошел в городе Шуе 15 марта 1922 года. Там противостояние верующих с комиссией по изъятию вылилось в рукопашные потасовки, разоружение

красноармейцев и перестрелки, что повлекло за собой человеческие жертвы с обеих сторон (несколько убитых и около десятка раненых — точные цифры разнятся в разных источниках). Недовольство было подавлено, виновные (со стороны верующих) привлечены к суду, несколько человек расстреляно. Но этот эпизод привел в ярость большевистское руководство и в особенности Ленина. 19 марта он пишет членам политбюро строго секретное письмо, в котором откровенно излагает свою точку зрения на изъятие церковных ценностей. Он серьезно полагает, что шуйские события были лишь частью обширного «черносотенного» заговора с целью свержения Советской власти. Он предлагает использовать голодное время для того, чтобы дать решительный бой политическим противникам. По мнению Ленина, только в голодное время можно было обеспечить нейтралитет большинства крестьянской массы при изъятии ценностей, которое должно было проводиться «с самой бешеной и беспощадной энергией», и таким образом обеспечить победу над врагами революционной власти. Ленин считал, что расследование шуйских событий должно было завершиться не иначе как «расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев города Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров». Патриарха Тихона Ленин хотя и считал главой заговора, но предлагал «не трогать», а организовать за ним самое пристальное наблюдение. Вообще же по поводу всей кампании Ленин писал, что «чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». Итак, для Ленина главные цели кампании по изъятию ценностей имеют не столько гуманный, сколько политический характер. Характерно, что во всем письме о гуманных целях предприятия (помощь голодающим) не говорится ни слова. О расходовании вырученных средств Ленин пишет, что без них «никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы»[20]. Напомним, что официальная пропаганда твердила о том, что помощь Поволжью — единственная цель проводимой акции.

Между тем золото нужно было не только для Генуи. Государству требовались средства для выплаты 30 миллионов золотых рублей репараций Польше по итогам проигранной Советской Россией войны. Об этом в частности Ленину нарком

финансов Л. Б. Красин[21]. 5% от изъятых ценностей по постановлению Политбюро ЦК РКП(б) отчислялось на нужды военного ведомства[22].

Большевистское руководство провело большую работу по организации изъятия ценностей. Фактически всей кампанией руководил Л.Д. Троцкий, что, однако, не афишировалось, чтобы не давать пищу для антисемитской пропаганды. Формально всем руководил ЦК Помгола, но за его спиной стояла секретная комиссия из четырех человек (Сапронов, Уншлихт, Землячка, Галкин (кстати, бывший священник)), которая и ведала всей «организационной и технической стороной дела»[23]. Относительно организации дела на местах очень интересна инструкция, принятая политбюро ЦК РКП 20 марта по предложению Троцкого. На местах по примеру центра создавались две комиссии (секретная и официальная), причем предписывалось «строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации». Перед изъятием требовалось проводить недельную агитационную кампанию. Предлагалась подключать к ней представителей голодающих и «лояльное» духовенство, провоцируя таким образом раскол в Церкви (во всероссийском масштабе это был обновленческий раскол — о нем речь ниже). Для недопущения эксцессов предполагалось организовывать коммунистов и использовать части особого назначения. В случае сопротивления его организаторы подлежали аресту[24]. Для придания большей авторитетности проводимой кампании Троцкий из Москвы телеграфировал руководителям поволжских губерний: «Необходимо в кратчайший срок выслать в Москву делегацию из крестьян и рабочих, солидных, не очень молодых, которые могли бы от имени голодающих выдвинуть требование об обращении излишних церковных ценностей на помощь голодающим»[25].

Особенно сложно проходило изъятие ценностей в Петрограде, где во главе местной епархии стоял популярный среди верующих (и избранный ими) митрополит Вениамин (Казанский). В своих взглядах на проблему ценностей он был близок к Патриарху Тихону. Но он готов был идти и дальше него в уступках властям и необходимости. Он готов был жертвовать даже священные предметы, но при условии, что все прочие средства помощи голодающим будут исчерпаны, что все пожертвования действительно дойдут до голодающих, что на пожертвование будет получено благословение Патриарха. В своем письме в губисполком он требовал для Церкви права самостоятельной благотворительной деятельности[26]. В письме в губернский

Помгол от 25 апреля Вениамин утверждал, что Церковь готова пожертвовать даже священные сосуды, но предварительно переплавив их в слитки. В случае отказа властей выполнить все эти условия Вениамин не отказывался от участия в помощи голодающим, но запрещал жертвовать священные богослужебные предметы[27]. В воззвании к пастве от 10 апреля митрополит призывал ее жертвовать ценности за исключением особо священных предметов, но ни в коем случае не прибегать к насилию и не использовать ситуацию в политических целей[28]. Советская власть, однако, не терпела, когда ей ставили условия. К тому же несмотря на усилия митрополита столкновений верующих с властями (без серьезных, правда, последствий) избежать все же не удалось. Митрополит был арестован и 10 июня вместе с другими клириками и с православными мирянами был предан суду. 5 июля был вынесен приговор. 10 человек было приговорено к расстрелу. 6 были впоследствии помилованы, четверо — казнены, среди них митрополит Вениамин.

Еще в мае в Москве проходил аналогичный процесс, результатом которого стала казнь 11 обвиняемых (среди них многие — священники). Патриарх Тихон, проходивший сначала по делу как свидетель, был привлечен к суду как обвиняемый и вскоре арестован. Ему вменялись в вину едва ли не все эксцессы, произошедшие в ходе кампании по изъятию ценностей. Затруднительное положение Патриарха создало благоприятную почву для церковного раскола, поддержанного властями.

Кампания по изъятию ценностей проходила неодинаково в разных частях страны. Где-то все прошло мирно (например, в Саратове), в других местах возникали серьезные конфликты (Смоленск, Псков). Где-то даже «буржуазные элементы» оставались в стороне от происходящего, где-то на защиту церковных святынь вставали даже рабочие (Одесса). Все попытки сопротивления беспощадно подавлялись. Погибли сотни, если не тысячи священников, монахов и монахинь. Государство и Церковь по-прежнему находились в состоянии ожесточенного противостояния.

Не стоит сомневаться в том, что и многие православные клирики и миряне, и многие представители новой власти искренне желали помочь голодающим. Но им не удалось достичь взаимопонимания во многом потому, что гуманная акция помощи Поволжью была превращена в политическую кампанию, в ходе которой стороны часто не слышали друг дуга и отказывались от каких бы то ни было уступок. И если руководство Церкви, имевшее намного меньше шансов в этой борьбе, еще как-то демонстрировало готовность к диалогу на определенных

условиях, то лидеры большевистской партии действовали по принципу: «если враг не сдается, его уничтожают».

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ

Как уже было сказано, внутри Церкви еще до революции существовали различные мнения и направления по поводу ее внутреннего устройства и богослужебной практики. Еще в 1906 году появилась «группа 32-х священников», выдвигавшая реформаторские требования (брачный епископат, русское богослужение, григорианский календарь). Однако тогда эти реформаторские тенденции не получили развития. Поместный Собор 1917–1918 годов при всей своей преобразовательной активности в общем не пошел на радикальные реформы. В области богослужения он не изменил ничего.

В ходе гражданской войны и политической борьбы первых лет Советской власти, когда значительная часть духовенства вступила в союз с контрреволюцией, а руководство Церкви то громогласно обличало большевиков, то старалось показать свой нейтралитет, некоторые представители духовенства (главным образом белого — столичные священники) стали приходить к мысли о необходимости сотрудничества с новой властью, проведения внутрицерковных реформ и адаптации Церкви к новым условиям. Кроме реформаторского порыва этими священниками двигало также и непомерное личное честолюбие. До определенного момента их устремления не находили отклика у властей, однако борьба вокруг изъятия церковных ценностей, горячо поддержанного сторонниками церковного обновления, создала благоприятную ситуацию для осуществления их планов. Быстро выявились и руководители обновленческого движения — петроградский протоиерей Александр Введенский (позже ставший единоличным лидером всего движения), священник Владимир Красницкий (бывший черносотенец) и епископ Антонин (Грановский).

В ходе кампании по изъятию ценностей сторонники этой группы неоднократно выступали в печати (а официальные газеты охотно их печатали) с критикой действий церковного руководства. Они поддержали осуждение митрополита Вениамина, но просили власти о смягчении приговора.

9 мая 1922 года Патриарх Тихон как обвиняемый по делу был посажен под домашний арест. Церковное управление оказалось фактически дезорганизованным. Этой ситуацией воспользовались лидеры будущих обновленцев для довольно неприглядной интриги. По согласованию с ВЧК они 12 мая посетили Патриарха и долго уговаривали его сложить с себя церковное управление. Тихон согласился временно передать свои полномочия

престарелому митрополиту Ярославскому Агафангелу, известному своей преданностью Тихону. Свою канцелярию Тихон временно передавал посетившим его священникам (Введенскому, Красницкому и другим) до приезда в Москву Агафангела. Однако органы ГПУ запретили Агафангелу выезд из Ярославля, а посещавшие Патриарха священники сфальсифицировали его распоряжение о передаче им канцелярии и представили его как акт передачи высшей церковной власти. После этого они образовали Высшее Церковное Управление из своих сторонников во главе с епископом Антонином (Грановским). Этот орган объявил о подготовке нового поместного Собора, на котором предполагалось решить вопрос об отстранении Тихона и о внутрицерковных реформах в духе идей обновленцев. В это же время возникает несколько обновленческих группировок. Самыми значительными из них были Церковное Возрождение во главе с епископом Антонином, «Живая Церковь» во главе с Красницким и вскоре отколовшийся от нее «Союз общин древлеапостольской Церкви» (СОДАЦ) во главе с Введенским. Все они, конечно же, имели некоторые «принципиальные» отличия друг от друга, но больше всего их лидеров отличало неуемное честолюбие. Между этими группировками вскоре началась борьба за власть, которую ГПУ пыталось погасить, чтобы направить их общую энергию на борьбу с «тихоновщиной».

Таково было начало второго с XVII века раскола Русской Церкви. Если при Никоне и Аввакуме раскольники защищали старину и бросали прямой вызов власти, то во времена Тихона и Введенского «бунт» был поднят именно во имя новшеств и изменений, а его сторонники всячески старались угодить властям.

Вообще же ГПУ (его специальный VI отдел) и так называемая «Антирелигиозная комиссия» при ЦК РКП играли во всех этих событиях первостепенную роль. Главную работу по «разложению церкви» вел занимавший ответственные посты в этих органах Е. А. Тучков, которого Луначарский называл «современным Победоносцевым». В то же время разворачивает свою деятельность «Союз воинствующих безбожников» во главе и Емельяном Ярославским (Минеем Израилевичем Губельманом). Этот «Союз» был фактически государственной организацией и финансировался из государственной казны.

Убедившись в невозможности в тот момент «обезвредить» Церковь «лобовой атакой» большевики сделали ставку на ее внутренний раскол. В секретном докладе «антирелигиозной комиссии» в Политбюро от 4 ноября 1922 года говорилось: «Было постановлено взять твердую ставку на группу „Живая церковь“

как наиболее активную, блокируя ее с левой группой (СОДАЦ — А.Ф.), развернуть шире работу по очистке от тихоновского и вообще черносотенного элемента в приходских советах в Центре и на местах, провести через ВЦУ повсеместное публичное признание Советской власти епархиальными советами и отдельными епископами и попами, а также и приходскими советами». Та же комиссия постановила «провести ударным порядком смещение тихоновских епископов»[29]. Тучков в своем секретном «Докладе о тихоновщине» писал: «по моему мнению, недурно было бы изгнать тихоновцев и из приходских советов, начав эту работу примерно также, т. е. натравливая одну часть верующих на другую»[30]. В другом докладе той же комиссии говорилось, что часть «тихоновских» (т. е. не признавших ВЦУ) епископов «постановлено подвергнуть административной ссылке на срок от двух до трех лет». Роль обновленческого ВЦУ в этих событиях в документе обозначена предельно четко: «Принимаются меры к получению от представителей „Живой церкви“ и ВЦУ конкретных материалов, устанавливающих контрреволюционную работу определенных лиц из состава тихоновского духовенства и реакционного мирянства на предмет применения к ним судебных и административных мер». Далее в докладе говорилось, что «за последнее время можно отметить беспрекословное исполнение со стороны ВЦУ всех директив надлежащих органов и усиление влияния на его работу»[31]. Вряд ли можно сказать красноречивее этих документов о том, чьи интересы стояли за реформаторскими порывами обновленцев. Уже в то время ВЧК практиковало вербовку секретных агентов из среды духовенства. В одном из протоколов секретного отдела ВЧК можно найти такие любопытные мысли одного докладчика: «Материальное заинтересование того или иного осведомителя среди духовенства необходимо… При этом денежные субсидии и натурой, без сомнения будут их связывать с нами и в другом отношении, а именно в том, что он будет вечный раб ЧК, боящийся расконспирировать свою деятельность»[32].

С 29 апреля по 9 мая 1923 года в Москве проходил Поместный Собор обновленцев. Выборы представителей на этот собор проходили под строгим контролем ГПУ, что обеспечило преобладание на нем сторонников обновленческого ВЦУ. Находившийся под арестом Патриарх был лишен всякой возможности влиять на ситуацию. Собор поспешил заверить Советскую власть не только в своей лояльности, но и в горячей поддержке. Уже при открытии Собора ВЦУ обращалось к Господу с мольбой помочь Собору «утвердить совесть верующих и направить их на путь новой трудовой общественности, созидания

счастья и благоденствия общего, т. е. выявления царства Божия на земле»[33].

Самыми важными деяниями Собора были: осуждение всей предшествующей политики Церкви по отношению к Советской власти как «контрреволюционной», лишение Патриарха Тихона сана и монашества и превращение его в «мирянина Василия Белавина», отмена патриаршества, восстановление которого в 1917 году было актом «контрреволюционным», учреждение «соборного» управления Церковью, разрешение белого брачного епископата и второбрачия священников (что открывало людям типа Введенского дорогу к высотам церковной иерархии, а по мнению «тихоновцев» противоречило канонам Православной Церкви), закрытие монастырей в городах и преобразование отдаленных сельских монастырей в своеобразные христианские трудовые коммуны, отлучение от Церкви епископов-эмигрантов.

Собор 1923 года был высшей точкой обновленческого движения. За обновленцами пошли многие священники со своими приходами и значительное число епископов. В Москве в период проведения Собора в распоряжении обновленцев находилось большинство действующих церквей. Этому способствовали и власти, всегда отдававшие им предпочтение в случае спора из-за храма. Правда, обновленческие храмы стояли пустыми в то время как в оставшихся «тихоновских» невозможно было протолкнуться. Многие священники и епископы шли за обновленцами не по убеждению, а «страха ради иудейска», т. е. опасаясь репрессий. И не напрасно. Многие преданные Патриарху епископы и священники подвергались административному (т. е. без предъявления обвинений, следствия и суда) аресту и ссылке только за противодействие обновленческому расколу. В ссылках они пополнили уже находившуюся там со времен гражданской войны и изъятия ценностей армию церковников.

Арестованный Патриарх Тихон вскоре понял всю серьезность положения. К тому же «органы» начинали опасаться (впрочем, напрасно) усиления обновленцев. Им нужен был церковный раскол и смута, а не обновленная Церковь (пусть даже и лояльная). Еще в ноябре 1922 года Тихон предал анафеме «Живую Церковь», а позже категорически отказался признать правомочность обновленческого Собора. Власти потребовали от Тихона в качестве условия освобождения декларации лояльности к Советской власти и признания своей вины перед ней, отмежевания от контрреволюции, осуждения церковных эмигрантов. Тихон принял эти условия. 16 июня 1923 года он подал заявление в Верховный Суд, в котором признавал свою вину в «проступках против государственного строя», раскаивался

в них и просил об освобождении[34]. 27 июня 1923 года Патриарх Тихон был освобожден.

Сразу же после освобождения Тихон и его сторонники — епископы, из которых он вскоре сформировал свой Синод, вступили в решительную борьбу с обновленцами. Патриарх выпустил несколько воззваний к пастве, суть которых сводилась к отмежеванию от всякой контрреволюции, признанию собственных «ошибок» в прошлом (что объяснялось воспитанием Патриарха и его бывшим «окружением»), а так же резкому осуждению обновленцев, Собор которых он называл не иначе как «сборищем». Тон Патриарха по отношению к раскольникам становился все резче и резче.

Результаты этой деятельности не заставили себя ждать. Возвращение обновленческих приходов в лоно патриаршей Церкви приняло массовый характер. Многие обновленческие иерархи принесли покаяние перед Тихоном. Лидеры обновленчества стали нащупывать почву для «объединения». Эти примиренческие попытки, однако, натолкнулись на сопротивление Тихона и приближенного к нему митрополита Петра (Полянского). Они требовали не «воссоединения», а покаяния обновленцев и отречения от раскола. Далеко не все из гордых схизматиков готовы были пойти на это. Поэтому обновленчество просуществовало еще два десятилетия. Не раскаявшиеся обновленцы были запрещены Тихоном в священнослужении.

Тем не менее, репрессии против сторонников Тихона продолжались. Тихон все еще находился под судебным преследованием и поэтому даже поминание его имени в молитвах (что было обязательно для православных приходов) согласно Циркуляру Наркомюста считалось уголовным преступлением[35]. Только в 1924 году дело Тихона было прекращено судебными органами.

Желая вызвать новый раскол в Церкви власти (в лице Тучкова) потребовали от Церкви перехода на григорианский календарь. Тихон ответил вежливым отказом. Начиная с 1924 года в церквях стали возноситься молитвы «о стране Российской и о властех ея». Недовольные священники вместо этого часто произносили «и областех ея».

7 апреля тяжело больной Тихон подписал послание к пастве в котором в частности говорилось «Не погрешая против нашей веры и церкви, не переделывая чего-либо в них, словом не допуская никаких компромиссов и уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя

распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщение с врагами Советской власти и явную и тайную агитацию против нее». Рассыпаясь в заверениях лояльности по отношению к советской власти, Тихон выражал надежду на возможную свободу церковной печати и возможность преподавания Закона Божия детям верующих[36].

Это послание часто называют «завещанием» Патриарха Тихона, ибо в тот же день 7 апреля 1925 года он скончался.

Большевикам частично удалось достичь своих целей. Обновленческий раскол действительно серьезно потряс внутреннюю жизнь Церкви. Но они явно недооценили приверженность верующего народа Патриарху Тихону и ценностям традиционного православия, что позволило Церкви выдержать и это испытание. Репрессии лишь повышали авторитет сторонников Тихона среди верующих. За обновленцами же закрепилась слава «казенной» и «большевистской» церкви, что никак не способствовало их авторитету. Что же касается самих обновленцев, то их, быть может, благородные изначальные идеи были скомпрометированы их честолюбивым желанием стать «официальной» церковью при новом строе. Ради этого они пошли на прямое сотрудничество с ГПУ, содействуя политическим репрессиям против своих противников. Кличку «иуды», которой часто называли их верующие, они вполне заслужили. Властям же раскол в Церкви нужен был лишь для «разрыхления почвы» для материализма и атеизма (выражение Троцкого).

Видя главную опасность во внутрицерковной схизме, Патриарх Тихон пошел на декларацию о лояльности по отношению к Советской власти. Это позволило ему несмотря на все репрессии восстановить хотя бы частично церковное управление и избежать полного хаоса в церковной жизни. Возможно, смягчение внутриполитического курса, связанное с НЭПом, и укрепление Советской власти также способствовали этому решению Патриарха.

ЦЕРКОВЬ В 1925–1927 ГОДАХ

Еще в 1917 году Собор попросил Патриарха Тихона самому назначить себе трех кандидатов в Местоблюстители и хранить их имена в тайне на случай чрезвычайных обстоятельств. Это хоть и противоречило канонам, но было вынужденной мерой. Тихон выбрал митрополитов Кирилла, Агафангела и Петра (Полянского). Так как первые двое в 1925 году находились в ссылке, Местоблюстителем патриаршего престола после смерти Тихона стал Митрополит Крутицкий Петр.

Петр выступал за лояльное отношение Церкви к Советской власти, но был непримиримым противником обновленцев, не признавая никаких возможностей нормализации отношений с ними кроме их полного раскаяния. Встав во главе Церкви, он активно занялся борьбой с раскольниками. Предвидя возможные осложнения, он издал специальный документ, в котором на случай невозможности для себя исполнения обязанностей, он назначал себе трех заместителей. Первым в этом списке стояло имя митрополита Нижегородского Сергия (Старогородского). Опасения Петра оказались не напрасными. 10 декабря 1925 года он был арестован. После ареста он специальным распоряжением назначил своим Заместителем Сергия.

Однако группа из 10 иерархов во главе с архиепископом Григорием (Яцковским) не признала его прав и опять подняла на щит идею коллегиального управления Церковью. 22 декабря они организовали Временный Высший Церковный Совет, который немедленно был зарегистрирован Наркомюстом. Так (не без участия ГПУ) возник новый церковный раскол. «Григорьевцы», однако, не имели сколько-нибудь значительной поддержки среди верующих и низшего духовенства.

Митрополит Сергий, следуя примеру Петра, назначил себе «на всякий случай» трех возможных заместителей. Власти же решили воспользоваться этой ситуацией, чтобы внести в Церковь новые расколы и привести ее к хаосу. Они начали беспорядочно арестовывать претендентов на церковную власть (каждый из которых имел по три «заместителя» — так развилась эта идея), а затем отпускать некоторых из них. Митрополит Сергий в 1926 несколько месяцев провел под арестом (за попытку «заочно» избрать Патриарха путем сбора подписей архиереев — созыв Собора тогда был невозможен). После возвращения ему пришлось отстаивать свое право на церковную власть перед другими иерархами (в первую очередь перед митрополитом Агафангелом). Но в конце концов ему удалось доказать свою правоту.

Важнейшим событием в жизни Церкви в 1926 году стала «памятная записка» группы архиереев, томившихся в Соловецком лагере особого назначения, советскому правительству, известная как «Соловецкое послание». Документ этот замечателен тем, что его авторы, не стесненные никакой цензурой (хуже их положения могла быть только смерть) рисовали положение Церкви в СССР таким, каким знали и видели его сами. Основной мыслью документа было следующее: в то время как церковь отказалась от всякой политической деятельности, государство не выполняет своих же законов о свободе совести. Авторы не хотели затушевывать мировоззренческих различий между Православием и коммунизмом. Эти две идеологии несовместимы «как да и нет». «Душою церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм. Все попытки примирить эти две идеи (что пытались сделать обновленцы) — жалки и беспомощны. При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении церкви от государства». Однако правительство этого не делает, всячески насаждая атеизм и затрудняя пастырскую деятельность Церкви. Кроме того, оно вмешивается во внутрицерковную борьбу, поддерживая обновленцев. Коммунистическое государство препятствует сношениям между епархиями, закрывает в массовом порядке церкви и монастыри под любыми предлогами, препятствует всем формам религиозной проповеди, обрушивает массовые репрессии на служителей Церкви и верующих. Аполитичность Церкви означает ее отказ не только от порицания, но и от поддержки светской власти. Она не обязана судить своих членов (например, церковных эмигрантов)за политические преступления.

Авторы послания так определили нужды церкви: предоставление прав юридического лица, свобода проповеди и преподавания религии, разрешение на свободный созыв Собора, избрание Патриарха, нормализацию епархиального управления и полная независимость от гражданской власти. В случае отклонения этой просьбы, главной задачей церкви станет сохранение не целостности организации, а чистоты веры[37].

10 июня 1926 года Сергий подал в НКВД прошение о регистрации своего вновь образованного Синода. Со стороны комиссариата переговоры по этому вопросу вел Тучков. Он потребовал, чтобы в обмен на регистрацию Сергий издал декларацию о своей поддержке советского правительства. Представленный Сергием проект Декларации, в котором упор делался на аполитичность Церкви, Тучкова не устроил. После

продолжительных переговоров текст был изменен и 29 июля 1927 года Митрополит Сергий подписал свою знаменитую декларацию.

Он извещал Церковь о регистрации своего временного патриаршего Синода, вследствие чего «теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление: епархиальное, уездное и т. д.». Далее следовала благодарность Господу и Советской власти и декларация лояльности: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи… Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза не только из страха, но из совести, как учил нас апостол (Рим. 13, 5)» Сергий резко осуждал заграничный Карловацкий Синод и требовал от заграничных иерархов признания Советской власти, угрожая в противном случае порвать с ними всякое общение. Сергий также выражал надежду на скорый созыв Собора[38].

Так был сделан первый шаг к юридической нормализации отношений между Русской Православной Церковью и Советским Государством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Декларация» митрополита Сергия вызвала настоящую бурю в церковной среде. Обновленцы ехидно замечали, что Сергий в 1927 году сказал то же, что они говорили еще в 1923-м. При этом они не упоминали, что в отличие от них Сергий отказался от всяких уступок в области веры. Церковников-эмигрантов, Синод которых еще с 1921 года заседал в городе Сремски Карловицы (Югославия), Декларация привела в бешенство. Они заявили, что этот документ был составлен под давлением властей (что, в общем, было верно) и разорвали всякое даже литургическое общение с Московским патриархатом, учинив таким образом новый раскол («карловацкий»), продолжающийся по сей день. В самой Русской Церкви Декларация также вызвала раскол, во главе которого стал митрополит Иосиф (Петровых). Его сторонники, которые считали, что сергиевская Церковь «продалась антихристу», вскоре вынуждены были уйти в подполье, образовав «катакомбную» «Истинно-Православную Церковь». Эта Церковь вскоре разделилась на несколько направлений, которые также по сей день не нашли примирения с Московской Патриархией. Не оставили Декларацию без внимания и соловецкие епископы. Они поддержали ее патриотическую направленность, но упрекали Сергия в излишнем раболепии перед властью и не соглашались с указанием Декларации на то, что в СССР якобы существует свобода совести. Примерно того же мнения придерживался и находившийся в ссылке на Обской Губе Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр. Он, однако, сознавал, что в тогдашней ситуации поступок Сергия был единственной возможностью дать Церкви пусть и куцее, но все же законное право на существование. Но большая часть церковных иерархов признала Декларацию и пошла за Сергием.

Надежды митрополита Сергия на скорый созыв Собора и полную нормализацию церковной жизни не оправдались. Власти предпочитали держать даже послушную Церковь «в черном теле». Наоборот, после 1929 года, когда у власти окончательно утвердился Сталин, Церковь стала повергаться усиленным репрессиям, чередовавшимися с незначительными «послаблениями», что вообще было характерно для сталинской политики. Обвальный характер приняло закрытие церквей, что привело к тому, что даже в крупных городах действующих приходов насчитывались единицы. Сотни представителей духовенства и тысячи мирян оказывались в лагерях и ссылках. Широкое «наступление на религию» развернул «Союз

воинствующих безбожников» во главе с Емельяном Ярославским, объявившим вторую пятилетку «безбожной». Массовый террор 1937–1938 годов уничтожил и унес в лагеря огромное число верующих всех направлений (в том числе и обновленцев). В 1937 году был расстрелян митрополит Петр и Сергий стал Патриаршим Местоблюстителем. Митрополит Сергий, чтобы сохранить хоть какое-то подобие церковного управления, готов был идти на любые уступки. В результате к 1941 году в его «канцелярии» не было даже секретаря и свое патриотическое воззвание 22 июня 1941 года он печатал на машинке собственноручно. И, несмотря на все это, большинство населения, как показала перепись 1937 года, считало себя верующими.

Ситуация изменилась к лучшему только во время Отечественной Войны, когда Сталин, видя необходимость возвращения к патриотическим ценностям и оценив роль в этом православия согласился дать Церкви возможность мало-мальски нормального существования. После встречи Сталина с Сергием в 1943 году стали вновь открываться церкви, начал выходить «Журнал Московской Патриархии» был созван архиерейский Собор Русской Православной Церкви и избран Патриарх. Им стал все тот же митрополит Сергий (Старогородский).

История Русской Православной Церкви в первое десятилетие Советской Власти — это история столкновения древнего, имеющего тысячелетнюю историю религиозного института, столетиями жившего в тесном взаимодействии со старым государственным аппаратом и почти сросшегося с ним, с новой, еще не виданной в истории силой в лице Советской Власти и фактически монополизировавшей эту власть партией большевиков. Большевики впервые в истории провозгласили полный отказ государственной власти от любого взаимодействия со всякой религией. Они не заменяли одну религию другой, а встали на путь последовательного атеизма (оставим в стороне т. н. «религиозные» аспекты коммунистического учения — это особый разговор). Большевики объявили о своем намерении полностью отделить церковь от государства, но вместо нейтралитета по отношению к Церкви сразу же повели на нее наступление, лишив религиозные объединения прав юридического лица и права владеть собственностью и развернув в государственном масштабе атеистическую пропаганду, в которой они не останавливались даже перед кощунственными с точки зрения акциями вроде «вскрытия мощей» и т. п.

В это время Церковь вместо того, чтобы настаивать на полной независимости своей от светских властей все еще пыталась удержать некоторые из былых своих привилегий и

административных функций (например, отказываясь передавать властям метрические книги). Значительная часть духовенства примкнула к белому движению. Но уже с 1919 года руководство Церкви говорит о своей аполитичности (хотя и раньше оно никогда не призывало к открытой борьбе с новой властью) и пытается встать «над битвой». Голод 1921–1922 года дал шанс к возможному сотрудничеству властей и церкви на почве благотворительной деятельности. Вместо этого борьба с народным бедствием была превращена в политическую кампанию и использована властями для новых репрессий против Церкви. Церковь не была допущена даже к минимальному контролю за изъятием у нее же богослужебных ценностей. Вместе с тем неуступчивость руководства Церкви в этом вопросе также сыграла отрицательную роль.

Для того, чтобы дезорганизовать работу Церкви власти стали действовать «не стесняясь никакими средствами» (выражение одного из секретных документов того времени). Органы ГПУ обрушивали репрессии на неугодных церковников, прямо вмешивались во внутрицерковную жизнь, поощряли обновленческий раскол. Чтобы не допустить полного хаоса в церковной жизни, патриарх Тихон заверил власти в своей лояльности и развернул борьбу с церковной схизмой. Его смерть была использована властями для еще большего расстройства церковных дел путем поощрения новых расколов и репрессий против духовенства. Когда к руководству Церкви пришел в качестве Заместителя Местоблюстителя патриаршего престола митрополит Сергий (Старогородский), он встал на путь постоянных уступок властям, не затрагивавших, однако, «область веры». Результатом этих уступок стала его «Декларация 1927 года», которая вызвала недовольство у части церковных иерархов, но позволила Церкви хоть как-то легализовать свою деятельность (был зарегистрирован Временный Патриарший Синод при Сергии). И хотя дальнейшие уступки властям не привели к нормализации церковной жизни (репрессии наоборот усилились), только такая «гибкая» политика позволила Сергию сохранить некое подобие центральной Церковной власти «до лучших времен».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996.

2. Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1–2. М. 1995.

3. Митрофанов Георгий, свящ. Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб. 1995.

4. Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви 1917–1990. М. 1994.

5. Корзун М.С. Русская Православная Церковь 1917–1945. Минск 1987.

6. Плаксин Р.Ю. Церковная контрреволюция и борьба с ней. 1917–1923. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л. 1968.

7. Он же. Крах церковной контрреволюции. Л. 1967.

8. Рослоф Э. Советское правительство и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви (1922–1923). В кн. История России. Диалог российских и американских историков. Саратов 1922.

9. Козлов В. Р. Исчезновение Первопрестольной. В кн. Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М. 1990.

10. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995.

notes

Примечания

1

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 103–104.

2

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 13–15.

3

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 29–30.

4

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 115–116.

5

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 21–22.

6

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 23–24.

7

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 30–35.

8

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. М. 1995. с. 119–120.

9

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 131–132.

10

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 128–131.

11

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 133–135.

12

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 41–44.

13

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 44–46.

14

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 40–41.

15

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 60.

16

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 61–62.

17

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. М. 1995. с. 146–147.

18

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. М. 1995. с. 148.

19

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 74–75.

20

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 88–82.

21

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 75–76.

22

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 111.

23

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 78–79.

24

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 94–96.

25

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 118–119.

26

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 150–151.

27

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 106–108.

28

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 169–171.

29

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 148–151.

30

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 153.

31

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 155–156.

32

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 215.

33

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 200.

34

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 223–224.

35

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 234–235.

36

Русская Православная Церковь в советское время. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1.М. 1995. с. 241–246.

37

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 206–217.

38

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 224–227.